

БРОНИСЛАВА ПАВЛОВСКАЯ

Родилась в 1939 г. в Таре. Обучалась в колледже культуры и искусства. Четыре года работала библиотекарем в с. Хорошки Павлоградского района. В 1964 г. поступила в Омский сельскохозяйственный институт. Долгие годы работала на станции химизации в Таре и в училище № 25. В настоящее время находится на заслуженном отдыхе. Публикуется впервые.

ДЕТСТВО, ТЫ ПОМНИШЬ МЕНЯ?

Я всё чаще мысленно возвращаюсь в своё детство. Отчётливо и ярко стоят перед глазами картины тех далёких лет, словно всё было вчера. Чем старше становлюсь, тем чаще тревожат воспоминания, ведь там, в военном детстве, рядом были дорогие моему сердцу люди, мама и бабушка, рано ушедшие из жизни, но не исчезнувшие из памяти...

* * *

Мне пять лет, мама на работе. Она трудится школьным учителем «в полторы смены», как это тогда называлось. В колхозный садик я идти не хотела, поэтому нахожусь дома одна. Зимним днём сижу на подоконнике, проделываю небольшую дырку в намёрзшей на стёкла ледяной корке и подолгу смотрю на улицу. Там видны редкие прохожие и собаки, с лаем бегущие вслед за лошадьми. Постепенно начинает темнеть, и я со страхом поглядываю на углы комнаты, мне кажется, что оттуда выглядывают тёмные лица. Сижу, онемев от страха, поджав под себя ноги. Приходит с работы мама, и мои страхи исчезают сами собой.

* * *

Из разговоров старших узнаю, что идёт война и в деревне уже получили первые «похоронки», но, в силу моего детского возраста, не воспринимаю эти события всерьёз. У меня есть друг Шурка, летом мы с ним играем во дворе, зимой часто сидим на русской печке, где сушится сначала семя льна,

а затем колхозная пшеница с примесью гороха. Когда пшеницу увозят на склад, мы, сидя на тёплых кирпичках печки, выбираем горох и семена льна, застрявшие между кирпичей. Хорошо помню вкус пшеничного хлеба с примесью гороховой муки, лепёшки из толчёных в ступке семян льна.

* * *

Мама, уходя в отпуск, летом месяц работала в колхозе на трудодни. В конце года она получала на них горох, лён, рожь. Горох и рожь мололи на мельнице и получали муку. В детстве основной едой у нас была «затируха», драники, клёцки из картошки, гороховые лепёшки. Когда мне было шесть лет, у нас появилась корова Муська. Мама выменяла её у женщины, гнавшей гурт скота из Колосовки. За молодую нетель мама отдала свои новые туфли и красивое старинное покрывало.

* * *

Когда мне было семь лет, переехали в соседнюю деревню, где при школе была квартира для семьи учителя. Учитель в школе был один и вёл все уроки с первого по четвёртый класс. Так мама стала моим первым учителем. Мне нравились уроки географии, из них впервые узнала, что есть на свете другие страны и города. Очень любила уроки чтения, и уже в первой четверти моего первого учебного года я прочитала весь сборник для чтения «Родная речь». Во втором классе были прочитаны все книги нашей школьной библиотеки. Во время каникул мы с мамой ходили в соседнюю деревню, где в школе также была библиотека. Там я набирала себе столько книг, сколько могла унести. С большой сумкой бежала по дороге впереди мамы, подпрыгивала от радости. Книги были для меня окном, распахнутым в большой мир знаний. Страсть к чтению осталась со мной на всю жизнь.

* * *

Весна... Около нашей школы было большое болото, где водились лягушки, и в мае, когда у них появлялась икра, мы с

подружками ловили её. В воде икра была похожа на красивые шарики, но стоило вынуть её из воды, превращалась в бесцветный комочек. Из-за длительного пребывания в воде у меня появлялись «цыпки». Кожа на руках и на ногах трескалась при высыхании, и мама мазала мне их на ночь сметаной. Ранки затягивались.

* * *

Резиновых мячей у нас не было, и мы катали их из коровьей шерсти. Весной у коров выпадала старая шерсть, мы вырывали ее, мочили в воде и катали до тех пор, пока она не превращалась в круглый мяч. Такие мячи служили нам недолго, и приходилось катать всё новые. Летом ловили майских жуков, наливая в норку жука воду. Жук вылезал из норы, мы ловили его и садили в спичечный коробок. Я часто приносила жуков домой, ночью они скреблись в коробке и мешали спать. Утром коробок всегда оказывался пуст. Жуки или вылезали сами, или мама выпускала их на волю. Хорошо помню свою первую куклу, купленную мамой в городе, у неё была раскрашенная голова из глины, а туловище набито опилками. Это вам не мячи из коровьей шерсти и жуки в коробках...

* * *

Мы жили в двадцати километрах от бабушки и летом иногда ходили в город пешком, так как машины ходили редко, а автобусов и асфальта на дорогах не было.

Утром светило солнце, пели птицы, по обочинам дороги цвели разные цветы, и я бежала по дороге, впереди мамы, радуясь этой красоте. Иногда мама брала меня на руки и несла, часто она рассказывала мне сказки, отвлекая от усталости и долгого пути.

Однажды, увидев на земле перед собой красивую ленту, я подбежала к ней, но лента внезапно зашевелилась. Мама потом объяснила мне, что это не лента, а змея и трогать её нельзя. Подходя к городу, мы чувствовали прилив сил, двигались быстрее. Я до сих пор помню бабушкино лицо, помню, как она сидела за столом, надев очки, и читала книгу.

Спросив разрешения, я тут же шла в огород есть черёмуху и бобы. Бабушка, зная, что мы придём к ней, оставляла для меня конфеты, косточки из компота, крашеное яйцо и кусок кулича, если мы приходили к ней после Пасхи. Потом, когда мне было лет двенадцать-тринадцать, я часто летом приезжала к бабушке, и мне было строго наказано её слушаться. Однажды я залезла на амбар, где хранилось сено для коровы, кувыркалась на нём, превращая его в труху. Когда слезла с амбара, бабушка наказала меня большим прутом.

* * *

Мы с мамой жили вдвоём, отец погиб на фронте. В детстве и отрочестве я не понимала, как можно любить человека и называть его папой. Этого чувства меня лишила война. От отца я унаследовала фамилию и большую любовь к музыке, песням, особенно к русским романсам, которые я слушаю с замиранием сердца. Случилось так, что маме пришлось работать в сёлах, где жили люди разных национальностей, и я слышала в детстве речь белорусов, чувашей, зырян и чалдонов. Приезжая к бабушке, повторяла слова на их языке. Бабушка говорила моей маме, чтобы она следила за моей речью. Будучи полькой по национальности, она знала три языка, разговаривала на чистом русском. Дед был репрессирован в 30-х годах, но я никогда не видела у бабушки неприязненного отношения к советской власти. Кстати, все её семеро детей получили образование.

Моё детство прошло в деревне, где протекала Оша – река с чистой водой, на поверхности которой плавали жёлтые кувшинки и белые лилии. Доставая со дна реки стебли лилий, мы делали из них бусы. Вокруг реки росли ивы, красиво кудрявясь, наклонялись к воде. На Оше была «перетяга», своеобразный плот, на котором мы часто переплывали на противоположный берег, чтобы совершить «набег» на колхозный горох и подсолнухи.

* * *

Летом я любила кататься на лодке вечерней порой. Садилась за вёсла и плыла далеко за деревню, проплывая широкий омут, где река делала крутой поворот. Постепенно солнце уходило за горизонт и начинало темнеть. Ивы, росшие на берегу, теряли свои очертания, сливаясь с рекой. Всё постепенно окутывалось бархатом летней ночи. Я плыла в лодке и пела песни, звуки которых разносились далеко по реке, пугая диких уток, свивших гнёзда в прибрежных камышах.

Изредка из воды выныривала голова рыбы, хватая ртом зазевавшихся насекомых.

Выплывала из облаков луна, освещая реку своим светом, и я плыла по лунной дорожке.

На небе загорались звёзды, всё ярче становился Млечный Путь, светясь россыпью серебряного бисера, и казалось, что я нахожусь в волшебной сказке.

* * *

Я очень любила бывать в лесу по весне, когда просыпается всё живое, и осенью, когда всё в природе начинает замирать, го-

товясь к зиме. Осенью, ступая по опавшим листьям и жухлой траве, я с печалью слушала прощальное курлыканье журавлей, улетающих в дальние страны. Видела оставшуюся одинокой алую ягоду шиповника, рдеющий куст рябины, цветок в траве. И у меня к глазам подступали слёзы, а душу томил непонятное чувство смутения и тоски по чему-то ушедшему.

* * *

Детство незаметно заканчивалось, и наступала пора юности, но это уже совсем другая история. Деревни Кузнецово, где я росла, уже нет. Река обмелела, заросла камышом и ряской. Ивы, росшие на берегу, постарев, упали в воду, засоряя дно реки. Только там, где жили мы с мамой, стоят несколько старых тополей, на которые я любила забираться на самую верхушку, раскачивать их и петь. Через много лет побывала у этих тополей. Погладила старые стволы и спросила их, помнят ли они меня, девочку с длинными косами, сидящую наверху и громко распевшую добрые, светлые песни? Тополя шелестели листвой – отвечали...